

ПРИАЗОВСКАЯ

РѢЧЬ

ВЪ ЕЙСКѢ, КУБ. ОБЛ.

Политико-экономическая и литературно общественная газета.

Подписная цѣна

съ доставкой и пересылкой на годъ—6 р.,
на 6 мѣс.—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—2 р.
на 1 мѣс. 75 к.

Цѣна объявленій.

Для городскихъ: впереди текста за строку петита—
15 коп., послѣ текста по 10 коп. за строку.

Для иногороднихъ: впереди текста за строку петита
—20 коп., послѣ текста по 15 к. за строку. Среди
текста (2 и 3 стр.)—25 к. строка для гор. и иногор.
Стороннее сообщеніе 50 коп. за строку.

Лица ищущія труда платятъ за каждое объявленіе
позади текста въ 6 строкъ по 20 коп. за разъ.
За разсылку прилож. по 4 р. съ тысячи.

Статьи и корреспонденціи, присланныя для помѣщенія въ газетѣ
должны быть за подписью и съ адресомъ автора, безъ чего они
печататься не будутъ. Въ случай надобности, редакция исправляетъ
и сокращаетъ статьи. Рукописи, признанныя редакціей неудобными
къ печатанію, не возвращаются.

Статьи безъ обозначенія условій считаются безплатными.

Редакция открыта для объясненій, кромѣ праздниковъ
отъ 1—3 час. дня. Контора открыта съ 9 час. утра
до 7 час. вечера.

Адресъ конторы и редакціи:

При тип. „ПЕЧАТНОЕ ИСКУССТВО“ Г. І. Тохова.
Ставропольская ул. д. Хохловой. Телефонъ № 55.

Выходить ежедневно (кромѣ дней послѣпраздничныхъ.)

На чеховской панихидѣ.

(ВОСПОМИНАНІЯ).

Бываютъ даты, съ которыми связываются далекія и родныя воспоминанія: къ такой датѣ относится 2-е іюля—день смерти родного нашего пѣвца общественныхъ сумерекъ Антона Павловича Чехова.

Въ этотъ день особенно великаго траура, нужно оплакивать смерть и вспоминать жизнь общественнаго страдальца.

Любя Чехова, мнѣ, однако, не пришлось видѣть его живымъ; не удалось быть и на его похоронахъ. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, тоскуя по далекимъ идеаламъ, романтически настроенный, я всегда мечталъ съ героями Антона Павловича. И мнѣ особенно хотѣлось взглянуть на моего, какъ я тогда называлъ его, писателя.

Но судьба рѣшила иначе.

Нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти мнѣ пришлось быть въ началѣ іюля въ Ялтѣ и присутствовать на панихидѣ.

Помню, какъ сейчасъ. Только что сошелъ съ парохода. По аллеямъ—улицамъ Ялты, какъ въ дивной парфюмеріи, чувствуется дивный запахъ розъ, магнолій и мимозы.

Приходится идти въ верхнюю Аутку, гдѣ будетъ совершаться панихида по рабѣ Божьему Антонѣ.

Небольшая греческая церковь. Нѣсколько

ко человекъ народа. Среди нихъ два брата покойнаго писателя: Иванъ и Михайль Павловичи, мать ихъ, еще бодрая старушка, все время сидитъ въ креслѣ.

Начинается панихида и сразу становится такъ тихо, спокойно—вѣетъ какимъ-то чеховскимъ настроеніемъ.

Невольно вырывается вздохъ.

Нѣтъ той официальной торжественности, какая бываетъ на панихидахъ официальныхъ: здѣсь собрались всѣ свои люди. Для всѣхъ присутствующихъ родныхъ и знакомыхъ покойникъ былъ своимъ. Молятся не о писателѣ, а объ Антонѣ. Тихо, скромно. Такъ, какъ любилъ Чеховъ.

Мы, нѣсколько человекъ, постороннихъ, сливались въ общемъ родственномъ настроеніи: вѣдь и для насъ Антонъ Павловичъ былъ роднымъ и близкимъ!

Послѣ мы побывали на его дачѣ: опять то же чеховское настроеніе.

Мнѣ тогда казались всѣ ауткинскіе кривые переулки, по которымъ быть можетъ не разъ шагаль Антонъ Павловичъ, удивительно красивыми: я завидовалъ этимъ нѣмымъ свидѣтелямъ.

Это былъ одинъ изъ счастливыхъ дней моей жизни.